

АКТРИСА **МАРИЯ МИРОНОВА:**

# «Я хотела танцевать, как Айседора Дункан»

Известия - 2006 -  
25 мая - с. 20, 9

Дочери звездных родителей трудно быть звездой, но Мария Миронова, кажется, и не мечтает о славе звезды. Ей хочется быть серьезной драматической актрисой. Как иначе объяснить, что одна из прим благополучного «Ленкома» согласилась играть главную роль в новой постановке непредсказуемого и брутального Андрея Жолдака? Выпущенный в Театре наций спектакль «Федра. Золотой колос», где хрестоматийный сюжет помещен в контекст XX века, стал первым соприкосновением актрисы с жанром трагедии. С Марией Мироновой беседует обозреватель «Известий» **МАРИНА ДАВИДОВА.**

**ИЗВЕСТИЯ:** Вы видели работы Жолдака до того, как стали с ним работать? Они вас не испугали?

**МАРИЯ МИРОНОВА:** Я играла у него в «Чайке». Других его спектаклей не видела, но много о них слышала. Я знала, что он провокатор и часто ставит спектакли на грани... Но я знала, что и у меня есть внутреннее ощущение грани, которую никакой режиссер не заставит меня перейти.

**ИЗВЕСТИЯ:** Никакой?

**МИРОНОВА:** Есть два человека — в кино это Павел Лунгин, а в театре конечно же Марк Захаров, — вызывающие у меня стопроцентное внутреннее доверие. С ними связаны мои первые шаги и в кино, и на сцене. Эти люди — судьбоносные в моей жизни. А все, что происходит дальше... Хотя в принципе я открыта для экспериментов. Прелесть работы над «Федрой», если слово «прелесть» вообще подходит этой тяжелой, изматывающей работе, состояла

в том, что с самого начала мы с Жолдаком были как два разноименных заряда. Если уж мы с ним конфликтовали, то на разрыв аорты.

**ИЗВЕСТИЯ:** С Захаровым у вас не может быть таких конфликтов?

**МИРОНОВА:** Нет. С Марком Анатольевичем — нет. Он довольно жесткий режиссер, но когда мы работали над «Плачем Палача», я вдруг почувствовала, что он дал мне довольно большую степень свободы в некоторых эпизодах. Он довольно редко поступает так, особенно по отношению к молодым артистам. Эти зоны свободы были для меня самыми дорогими в спектакле. Я вообще люблю театр, сделанный в духе кинематографической «Догмы». Мне нравится живое полумимовизиционное состояние, когда ты не знаешь, что будет дальше и что у тебя в результате получится. Так вот Жолдак мне это состояние давал с самой первой репетиции. → СТР. 9



АКТРИСА **МАРИЯ МИРОНОВА:**

# «Я хотела танцевать как Айседора Дункан»

**ИЗВЕСТИЯ:** Вы сказали о грани, за которую не перейдете на сцене. И где эта грань?

**МИРОНОВА:** Если мне режиссер скажет: встань на голову, а я не умею, но четко понимаю, что внутренне, психоэмоционально мой персонаж в этот момент действительно должен это сделать, я научусь. Но если я пойму, что это всего лишь выставной номер, я откажусь.

Я в «Федре» исполняю рок. И я не понимала сначала, зачем он нужен. Вопрос состоял не в том, что я не могу прохрипеть его. Но мне надо было найти внутреннюю мотивацию. Мы начали из-за этого ужасно ссориться. Жолдак кричал: отдайте мне мой контракт. Павел Каплевич пытался нас утихомирить. Но в результате Андрей убедил меня в своей правоте. Вообще я безумно признательна ему за эту роль.

**ИЗВЕСТИЯ:** Что вас, молодую женщину, подвигло сыграть влюбившуюся в пасынка Федру?

**МИРОНОВА:** Меня увлекло ее пограничное состояние. Проще говоря, безумие. Мне на первой репетиции дали Сенеку и Еврипида. Расина и Цветаеву я прочитала раньше. И я поняла, что из всего прочитанного текст Расина лучше всего ложится на мое видение образа. С первого появления перед зрителем его героиня находится уже на таком пике эмоционального накала, за которым может следовать только сумасшествие.

**ИЗВЕСТИЯ:** В трагедии Еврипида о Федре любовь трактуется как болезнь, которую надо вылечить. Кажется, этот мотив тоже вошел в ваш спектакль, действие которого разворачивается в советской клинике 30-х годов.

**МИРОНОВА:** Я думаю, есть разные болезни. Есть такие, которые благотворно влияют на душу и даже ее лечат. А есть болезни, которые губят. И Федра больна именно

так. В ее поведении — во всяком случае, для меня — нет ни одного намека на любовь романтическую, возвышенную. В этом персонаже мне была важна та степень маниакальности, которая ее в результате разрушает. «Где разум мой? Куда умчалась мысль моя?» «Я обессилела, меня не держат ноги». Конечно, это можно играть как метафору. Но мне хотелось сыграть не поэтику, а реальность — действительно мысли ускользают, действительно ноги не держат. Именно в этом совмещении поэтического стиха и реальности проживания для меня был самый большой интерес этой роли.

**ИЗВЕСТИЯ:** Я начинаю догадываться, зачем вам понадобилась линия, выводящая сюжет «Федры» в XX век. Градус безумия, о котором вы говорите, не очень органичен для классицизма.

**МИРОНОВА:** А в современном искусстве возможно иное обнажение души. Иное положение тела. Тут другие совершенно границы. И нам очень хотелось совместить стихотворный накал Расина с таким же накалом существования на сцене, а не просто сыграть классическую, возвышенную «Федру». Хотя для того времени, в котором писал Расин, его пьеса, я думаю, тоже была пределом правдивости и открытости в изображении человеческих страстей. Поэтому мы с Андреем с самого начала и решили, что эта история должна быть вне времени. Или во всех временах.

**ИЗВЕСТИЯ:** Вы родились в актерской семье, вы можете назвать спектакли, которые произвели на ваше детское сознание сильное впечатление?

**МИРОНОВА:** Мое детское сознание, как ни смешно это сейчас звучит, было настроено не на театр, а на балет. Я хотела стать балериной. Я хотела не играть, а выступать

на сцене. Как Айседора Дункан. Это была детская мечта — шарф, босиком... и танцевать. А что касается драматического театра, то я, конечно, была в Театре сатиры на многих спектаклях, но поскольку там были заняты мои родители, я относилась к ним очень рационально и прозаически, что ли. Я говорила: «Мам, мне не нравится твой костюм. Надо зайти в пошивочный цех, сказать, чтобы перешили». А вот балет, музыка меня задевали за живое.

**ИЗВЕСТИЯ:** И почему же мечта разрушилась?

**МИРОНОВА:** Ну она не совсем разрушилась. Я танцевала. Я просто не пошла в хореографическое училище. Это зависело больше не от меня, а от мамы. Балет так и остался у меня любовью на всю жизнь.

**ИЗВЕСТИЯ:** Многие полагают, что ваш отец, человек удивительного таланта, не до конца реализовал себя как актер. Вы разделяете это мнение?

**МИРОНОВА:** Знаете, я к этому пониманию пришла с годами. Он, конечно, был очень востребован, и нельзя сказать, что чего-то не доиграл. Он доиграл в результате. И в театре у него конечно же было огромное количество блестящих драматических ролей. А вот в кино, при том что оно в те годы было замечательное, таких ролей, как он сыграл в «Фантазиях Фарятева» (это моя самая любимая роль), в «Иване Лапшине» и, пожалуй, что в «Сказке странствий»... там последний кадр с его пронзительным взглядом... Вот таких щемящих, сильных, настоящих, я бы сказала, даже не душевных, а духовных вещей он успел сыграть очень немного. Но то, что он сделал в этих трех фильмах, для меня это вечное. Когда я думаю о своем существовании в профессии, то понимаю, что больше всего мне хотелось бы играть именно такие роли.